

ВЕЧЕРНЯЯ ПОВЕРКА

© АНДРЕЙ КЕЗЗИН

АНДРЕЙ КЕЗЗИН В ПОИСКАХ ГЕРОЯ

Если точкой апокалипсиса назвать конец СССР, то все сходится — руины и полная тишина, как полагается после взрыва. Литература и прочие вместилища русской души оказались фикцией. Андеграунд, на который была вся надежда, ни театральный, ни художественный, на свет не вышли и не стали символом свободы, его философы не стали политиками. На русской земле установился Жаргон и Гламур. Творчество Андрея Кеззина, впервые за эти годы, остановило. В его работах есть огромный личный мир, воплощенный современными средствами. Он никогда не переходит грань, за которой стеб, ирония — отрицание человека. Хотя среда его фотографий — коммунальная квартира, метро, тюрьма, психушка или просто окраина спального района Петербурга — пугающая, но в образах — пыльных «братках», циркачках, перепачканных детях — укрощенная классическим искусством агрессия.

АНДРЕЙ КЕЗЗИН
HTTP://KEZZYN.COM

Художественный Миф Кеззина можно воспринимать как преемственность мировой культуры всех жанров, помещенных на социальное поле современной России, в эстетике фантазмагории. 10 января в Доме национальных меньшинств откроется выставка работ Андрея Кеззина, а сегодня он гость «Русского слова».

— Андрей, в своих фотографиях вы создали образ конца света — апокалипсиса. Тема мира после ядерной войны (нашествия инопланетян, экологической катастрофы) в современном искусстве представляет целое направление. Вследствие чего возник ваш мир?

— Меня не оставляет ощущение, что мы уже живем в постапокалиптическом мире. Все природные катаклизмы, о которых без устали сообщают в ново-

стях — это рай по сравнению с тем, что происходит в России. Люди спрашивают меня, зачем я снимаю такие страшные картинки. В жизни, мол, и так все плохо, хуже некуда, вы должны снимать нечто радостное и цветное. Но в моих картинках, в отличие от реального мира, всегда есть надежда. Даже на фотографиях с детьми, которые чаще других пугают зрителя, нет ощущения безысходности. Кто-то этих детей обязательно спасет. В отличие от нас.

— Ваш апокалипсис возник в границах России? Он выглядит также в других странах мира?

— Я как человек, обладающий отдельно российским и отдельно заграничным паспортом, хотел бы, чтобы мир не делился на Россию и другие страны. В моем постапокалиптическом мире есть темная сторона планеты и светлая. В буквальном смысле.

— Ваши герои разрушены апокалипсисом? Или он произошел в глобальном, но не в личном? Какие в нем есть типы (герои)?

— Это фантазмагория. Здесь есть абсолютное зло и абсолютное добро. И дети у меня не всегда добрые, а мрачные мужчины, бродящие впотьмах, не всегда злые. Я по-прежнему нахожусь в поиске главного героя, того, кто способен этот мир спасти, но пока его не встречал. Хотелось бы, чтобы это был Оззи Осборн (смеется).

— Расскажите, пожалуйста, как возникла эта серия и есть ли у нее название.

— Серия называется Leningrad 2012. Есть такая поговорка, которую я могу применить и к себе: я родился в прошлом тысячелетии в городе и стране, которых уже нет на карте. Ленинград — это город-призрак, который пережил

революцию, разруху, блокаду и построен на человеческих костях Петром I. Он сам по себе легенда, ничего и придумывать не надо.

— В своих работах вы не используете Фотошоп?

— Фотошопом пользуются все, это нормально. Я не использую те его возможности, с помощью которых делается коллажирование, дорисовывание и добавление планов. Если нам нужен разрушенный город на заднем плане, мы едем в разрушенную часть Питера, и поверьте, ее совсем не сложно найти. Все действующие лица, места и события — подлинные, как писал Курт Воннегут.

— Улицы Питера, коммунальные квартиры, дворы-колодцы стали участниками ваших снимков?

— Да, конечно. Это мой город, я знаю его и люблю его снимать.

— Можно ли сказать, что с помощью своей эстетики вы снимаете социальную тему?

— Мне кажется, что сейчас я все ближе и ближе к этому.

— Как создавалась работа «Вечерняя поверка»?

— Вы будете смеяться, но именно эту работу я не хотел снимать. Я был всегда убежден в том, что не сфотографирую три вещи: голую девочку на мотоцикле, невесту на руках у жениха и «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи. Но однажды я проводил семинар, задачей которого было снять картинку с большим количеством действующих лиц. Оказалось, что съемка будет в помещении костюмерных, там были низкие потолки и кирпичная стена. Людей можно было только посадить, вот и пришлось вспомнить про Леонардо да Винчи.

LENINGRAD 2012
ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЖДЯ

© АНДРЕЙ КЕЗЗИН

LENINGRAD 2012
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ
ЗАПРЕТИЛ УЛЫБКИ

© АНДРЕЙ КЕЗЗИН

— У вас есть работа «Улыбки запрещены». Как возник ее сюжет?

— Это одна из тех картин, которые получаются благодаря человеку, с которым вдруг неожиданно знакомишься. Мне написал в социальной сети будущий главный герой картинка с предложением снимать кого-то из его друзей, и я увидел его аватарку. При первом же взгляде на нее я понял, что где-нибудь на другой планете или в другой галактике он бы обязательно был Человеком, который запретил людям улыбаться. К слову, это одна из моих первых работ на социальную тему.

— Зритель увидит неожиданное прочтение Климта в вашей фотографии «Кое-что про любовь» — рамки золотого «Поцелуя» раздвигаются, и мы оказываемся в коммунальной квартире...

— Почти мистическая для меня фотография о тайной жизни петербуржцев, да и россиян в целом. Единственное, чему мы можем радоваться — это взаимной любви, да и то под надзором соседей. Оригинал «Поцелуя» Климта я увидел в Вене во время нашего путешествия с женой. Работа не давала мне покоя. Пока сюжет сам не прочелся ясно в моем воображении и я организовал съемку в экстремальных условиях — за одну ночь.

— All stars of Kupchino или «Уступи бабуле место» — это сюжет на тему социальной рекламы? Кто эти люди, которые нас призывают быть вежливыми, вероятно, в вагоне метро?

— У нас в Питере есть двое ребят, которые называют себя «Те самые». Их зовут Джек и Эста. Они каждое утро

стоят в питерском метро с табличкой, на которой написано что-то позитивное и радостное. Например, «Весна уже в пути» или «Счастье есть». Они обратились ко мне с просьбой снять для них добрую картинку. Ну, я и снял. Как говорит еще одна наша русская поговорка: «Если в сердце дверь закрыта, нужно в печень постучаться» (смеется). Добро с кулаками. Это очень по-нашему.

— Фото «Восстание пушистиков» разоблачает добрых мишек?

— У нас в интернете одно время прогремела картинка под названием «Мимитинг», где плюшевые мишки протестуют: «Нам все не нравится», «Путин — бяка»... Вот и захотелось показать, что будет, если пушистые мишки снимут свои маски... Это самая веселая моя работа на социальную тему.

НОКТЮРН ДЛЯ ФЛЕЙТ

© АНДРЕЙ КЕЗЗИН

МИМИТИНГ

© АНДРЕЙ КЕЗЗИН

— Вы посвятили работу группе The Tiger Lillies. Вы поклонник их музыки?

— Это была мечта последних нескольких лет, которая осуществилась — я сфотографировал одну из своих любимых групп. И в этом году в ноябре они опять приезжали, уже на следующую фотосессию. Думаю, у нас складывается прекрасная традиция: ноябрьские фотосессии группы The Tiger Lillies.

— В Ваших работах сочетается классическая визуальная культура и современность мировосприятия. Что является импульсом к творчеству?

— Моя неспособность рисовать. И мое неумение снимать кино. Фотография — это уродливый брат всех изобразительных искусств. Уродливый, недалекий и слегка туповатый. Особенно сейчас. Если вы ничего не умеете, а тяга

к творчеству у вас присутствует, смело берите в руки фотоаппарат — ваше место среди нас. Меня сегодня тянет на поговорки, так вот вам еще одна: если хочешь серьезно разочаровать родителей, а к гомосексуализму душа не лежит, иди в фотографы.

— Кто из классиков — писателей и живописцев — и кто из современных творцов вхож в ваш внутренний мир?

— Если исключить Константина Васильева с его былинностью образов, Босха, который доводит масштабность происходящего до максимальных размеров, и Климта, благодаря которому я вновь стал романтиком, то живопись я вообще не люблю. Я уже сказал, что очень хочу, но не умею рисовать. Мне очень близок Курт Воннегут, его сатира и легкая фантазмагория. Толкиен и Сап-

ковский — это вообще духовные отцы. А из современников... Из современников мне нравится Моцарт, и «нравится» здесь — очень слабое слово.

— Кого из чешских фотографов Вы хотели бы пригласить на Вашу выставку в Праге? С кем хотели бы познакомиться и где побывать?

— Я боюсь чешских фотографов, они очень мрачные. Но если считать чешскую фотографию вообще отцом фотографии, то во мне определенно присутствует Эдипов комплекс. А насчет того, где в Чехии люблю бывать... В «Толстой коале» (смеется). Ну а если серьезно, то Прага стала для меня очень романтичным городом, где надо просто гулять и не заходить никуда.

Беседовала МАРИНА ДОБУШЕВА

Фото предоставлены автором ■

КОЕ ЧТО ПРО ЛЮБОВЬ

© АНДРЕЙ КЕЗЗИН

LENINGRAD 2012
ВСАДНИКИ
АПОКАЛИПСИСА

© АНДРЕЙ КЕЗЗИН

ALL STARS
OF KUPCHINO

© АНДРЕЙ КЕЗЗИН

